

Теория и методология

Китай строит свой социализм

© 2018

Л.И. Кондрашова

Революция 1949 г. в Китае ознаменовала переход страны от «бюрократического феодализма» к построению социалистического общества. Начало политики реформ (1978–1979) сейчас трактуется как «вторая революция» — переход от «государственного социализма» к «рыночному социализму». Как можно судить по решениям XIX съезда КПК, в настоящее время Китай начинает новый тур социально-экономического развития, направленный на соединение личных интересов граждан с общественными и государственными интересами. Новый разворот реформ по своей значимости может быть охарактеризован как «третья китайская революция» с кардинальными последствиями для всего общественного устройства. Многоукладной рыночной экономике будет соответствовать смешанная политическая система, совмещающая сильную централизованную власть с партийно-правительственным управлением и демократическими методами руководства на низовом административном уровне.

Ключевые слова: Китай, капитализм, социализм, теория институциональных матриц, рынок, государственное макрорегулирование, конвергенция, смешанная экономика, китайская модель.

DOI: 10.31857/S013128120000159-5

Дуализм общественного развития, понятия «капитализм» и «социализм»

Марксизм сформулировал законы «традиционного капитализма» на основании европейского материала и рассматривал социализм только в потенции как отдаленное будущее всего человечества, после того как капитализм полностью реализует все свои потенции. Современная теория институциональных матриц, которая выступает в качестве дополнения цивилизационного и формационного анализа, во многом перекликается с состоявшимся различием двух путей общественного развития и двух культурно-исторических генотипов — западного и восточного (вернее, незападного), техногенных и традиционных цивилизаций¹.

В соответствии с марксизмом и новой институциональной теорией капитализм — это высшая стадия в пределах рыночной матрицы, иначе говоря, капитализм можно определить как способ производства, основанный на частной собственности и то-

Кондрашова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: kondrashova@ifes-ras.ru.

варном обмене и на извлечении прибыли посредством использования наемной рабочей силы. Распоряжение прибылью после выплаты налогов находится в руках собственников средств производства.

Восточные страны развивались исторически по шаблонам «Х-матрицы» при слиянии институтов власти и собственности и преобладании прямого принуждения к труду. Возникший на Древнем Востоке феномен «власть-собственность», а именно, нерасчлененность властных и собственнических функций явился главной характерной чертой особого антагонистического способа производства, названного в свое время Марксом «азиатским способом производства». Все управление в такого рода обществах построено на неограниченной и сакральной власти лидера («восточная деспотия»). Капитализм как экономический уклад существовал на Востоке испокон веков², но в условиях редистрибутивной экономики не смог сложиться естественным путем в целостную систему.

Становление капитализма в странах «Y-матрицы» сопровождалось экономическим скачком, создавшим разрыв между странами капиталистического центра и его обширной периферии. Страны периферии оказались объектом эксплуатации со стороны капиталистических лидеров, вынуждены были идти иным путем, нежели капитализм Запада, лишились перспектив «перескочить» на его путь (на другую «колею»).

Наступивший в начале XX века кризис капитализма, который привел к военным конфликтам, серии народно-освободительных и социалистических революций, был разрешен через милитаризацию экономики и расширение государственного участия в цитадели капитализма, укрепление социальной составляющей в стратегии развития, через становление потребительского общества и усиление интеграционных процессов. Проведенные реформы существенно изменили характер капиталистического общества. По мнению некоторых ученых, капитализм эволюционным путем был замещен новым социально-экономическим строем, отличающимся иными закономерностями производства. Существуют несколько определений модифицированного капитализма — «государство благосостояния», «корпоративное государство» и даже «конвергентный капитализм», то есть капитализм, заимствовавший некоторые черты социализма. Необходимо отметить, что, несмотря на отличия в имущественном положении масс, социальной стратификации существо капитализма осталось прежним — частная собственность, наемный труд, рыночное хозяйство, жесткая конкуренция, разный доступ элиты и масс к благам цивилизации и рычагам общественного управления.

В настоящее время с понятием «социализм» связывают, по крайней мере, четыре явления. Это социалистическая идея и ее обоснование в марксистской теории. Это общественно-политические движения и партии в капиталистических странах, опирающиеся на различные трактовки социалистических идеалов. Это реальное социалистическое общество, существовавшее в Советском Союзе и прекратившее свое существование в результате распада СССР («старый социализм»). Это группа стран, продолжающая социалистическое строительство в новых условиях современного глобализма («новый социализм»). Первые два феномена — разновидности посткапиталистического общества. Два вторых — антикапиталистическое общество.

При определении социализма необходимо, прежде всего, разграничивать саму идею социализма как специфическую форму общественного сознания и ее воплощение в реальную жизнь в виде определенной формы общественного устройства. Марксистский проект переустройства общества под лозунгом «коммунизма» (с его первой стадией — социализмом) был направлен на преодоление основных пороков частной собственности и рынка, на достижение наивысшей производительности труда и возвращение к «истинной» индивидуальной собственности на основе общественной. Социалистическая идея как мечта о социальной справедливости и гармоничном обществе вошла в идеологию первого в мире социалистического государства. Однако наложение социа-

листического проекта на условия послереволюционной России, оказавшейся одинокой в своем социальном эксперименте, привело к расхождению мечты и реальности.

Реальный социализм можно считать «социализмом с большими натяжками». Есть предложения называть его «государственным социализмом», «квазисоциализмом», «конвергентным», или «мутантным» социализмом. Тем не менее построенное общество имело принципиальные отличия от капитализма в виде ущербности частной собственности по сравнению с государственной и слабости стоимостных рычагов управления по сравнению с планово-административным регулированием. Его можно определить как способ производства, основанный на общественных формах собственности и нетоварном характере производства, которое ведется ради расширения производства через реинвестирование получаемой прибыли. Рабочая сила сохраняет наемный, но не товарный характер. Государство распоряжается не только налоговой, но и всей получаемой прибылью. Если капитализм явился «высшей стадией развития рыночной «Y-матрицы», то социализм оказался своего рода логичным продолжением «X-матрицы» с характерным для нее сильным государственным началом, превалированием нерыночных («плановых») хозяйственных отношений и государственной формы собственности. Поскольку и в капиталистической, и в социалистической системах существовали деньги, цены, наемный труд и заработная плата, оба формационных образования остались в рамках «экономической», или «монетарной», системы.

Российская история дала три образца социализма с разными подходами к «допущению» рыночных отношений: «военный коммунизм» и политика НЭПа как две разновидности «раннего», или первичного, социализма и «государственный социализм», называемый также командно-административной системой, восточным социализмом, национал-большевизмом. С приходом к власти Сталина и разработкой теории «построения социализма в одной, отдельно взятой стране» господствующими стали установки «государственного социализма», делавшими ставку на форсированную индустриализацию и максимально полное огосударствление производства. Дезавуирование рыночных отношений объяснялось не их естественным «изживанием» на высокой стадии развития производительных сил, а их плохой совместимостью с мобилизационной ситуацией и идеологическим диктатом.

Смешанная экономика и теория конвергенции

Современный цивилизационный кризис заставляет задуматься о том, в каком направлении пойдет мировое развитие — в сторону унификации, сохранения бинарности или же к еще большему разнообразию общественных систем. Первая точка зрения представлена концепцией превосходства буржуазной цивилизации и непреложности законов рынка, «потребительского общества», демократии и «глобальной экономики» по западным рецептам. В рамках постмодернизационной глобализации Запад стремится представить свой опыт как матрицу-основу, на базе которой формируется весь мировой порядок («вечный капитализм»). Такого рода глобализация — это стремление перевести всю планету на западную систему ценностей³. Теория двух институциональных матриц подвергает сомнению возможность запрограммированной смены одного пути развития другим без ущерба для национальной идентичности. «Перейти» в западный блок страна, осуществляющая «догоняющий» путь развития, может только на положении колонии или политически зависимого партнера страны-лидера. Вторая точка зрения о социалистическом интернациональном будущем, опирающаяся на марксистскую теорию, была поколеблена распадом мировой социалистической системы и сохраняется в «спящем режиме». Третья точка зрения отстаивает многовариантность развития человечества, что само по себе граничит с хаотизацией миропорядка.

После окончания Второй мировой войны на Западе стала разрабатываться теория конвергенции социально-экономических систем. Уолтер Бэкингем еще в 1958 г. в книге «Теоретические экономические системы. Сравнительный анализ» обосновал вывод о том, что синтезированное общество позаимствует от капитализма частную собственность на орудия и средства производства, конкуренцию, рыночную систему, а из социализма в будущую конвергентную систему перейдет экономическое планирование, рабочий контроль над условиями труда, более справедливое распределение полученной прибыли. Схожие взгляды высказывали такие выдающиеся ученые и мыслители, как Ф. Перру, А. Эйнштейн, Б. Рассел, Ян Тирбеген, Джон Гэлбрейт, П. Сорокин.

В период холодной войны идея конвергенции выступала в роли косвенного признания «равенства сил» двух общественных систем, обладавших ядерным оружием. На Западе надежды на будущее вдохновлялись перспективой «сдерживания» социализма, ослабления его мощи и замены «несовершенного» социализма рынком и демократией. На страницах советских изданий теория конвергенции объявлялась чуть ли не контрреволюционным воплощением планов западных стратегов покончить с социализмом «в белых перчатках». Неизменной оставались критика капитализма и официальная версия всемирного «коммунистического благоденствия». Пропагандистский постулат о «сближении двух крайностей», заложенный в тактике «наведения мостов» и в пафосе «борьбы за мир во всем мире», оставался в рамках разумной нередуцируемости капитализма к социализму и социализма к капитализму. Свою специфику идея конвергенции получила в странах, отставших в экономическом развитии, где состояние переходности грозило превратиться в длительное устойчивое состояние⁴.

Окончание холодной войны было расценено на Западе как полная победа капиталистической системы. Социализм был подвергнут западными экспертами остракизму за свое неприятие рынка и демократии, низкую эффективность производства и массовые репрессии. Конвергенция стала все чаще трактоваться как экономическое сближение развитых и менее развитых стран при фактическом исключении социалистической ориентации. «Новый гибрид» преподносится либо как государственный контроль над частными товаропроизводителями, либо как прочное сосуществование государственной и частной собственности.

Новый подход свидетельствует о наблюдающейся подмене понятия «конвергенция» понятием «смешанное общество». Отвергая несовместимость двух главных регуляторов всей человеческой деятельности (рынок и государство), и признавая наличие между ними сложных и противоречивых связей доминантности и комплементарности, современная институциональная теория по существу утверждает всеобщность смешанной экономики. Ни рынок нельзя отождествлять с капитализмом, ни прямое административное управление нельзя приписывать только социализму. Главное отличие двух матриц — доминирование того или иного регулятора. В то же время сочетание этих двух начал может быть более близким или менее близким к некоему оптимуму, длительное нарушение которого чревато возникновением кризиса. Выход из кризиса предполагает расширение комплементарных признаков системы (в рыночной матрице — нерыночных начал, в редистрибутивной экономике — рыночных). В этом и состоит цель реформистских преобразований. Поскольку их суть — привлечение того регулятора, который в альтернативной матрице является доминантным, реформы в «Х-матрице» выглядят как огосударствление (социализация) существующей системы, а в «У-матрице» как маркетизация (капитализация). Расширение участия комплементарных начал требует соблюдения определенных пределов. Если же доминантные и комплементарные признаки меняются местами, то происходит слом прежней системы и создается угроза имеющейся социально-культурной идентичности. При этом не исключается все большее усложнение отношений между двумя главными хозяйственными регуляторами, в ходе которого происходит модификация и рынка, и государства.

Однако то или иное сочетание хозяйственных регуляторов — не единственный признак системной спецификации. Опыт истории и его научное изучение исключает появление синтеза противоположных по смыслу и по социальной направленности общественных систем. Самое главное, что противоречия между Трудом и Капиталом могут сглаживаться, но не могут исчезнуть. Важно ответить на такой кардинальный вопрос — подчиняют ли монополии государство своим интересам, или государство, служащее интересам большинства населения, подчиняет себе монополии? Социалистическая теория как концепция освобождения от капиталистической эксплуатации несколько не утратила своей актуальности, а создание принципиально новой системы ценностей, сочетающей право каждого на благополучную и достойную жизнь с моральной ответственностью и с соответствующей общественной «отдачей», остается социалистическим ориентиром. Принципиальная несовместимость разных систем ярко проявляется в ценностных установках, в частности, может обнаруживаться в том, что продуктивно функционирующие институты, ценности, отношения в рамках одной системы, попадая или «пытаясь встроиться» в другую, противоположную систему, дают обратный эффект. Их конструктивная роль превращается в деструктивную.

Можно сказать, что современная модификация понятия «конвергенция» отходит от прежнего представления «системного синтеза». Провал советского «государственного социализма» и успех китайского эксперимента «рыночного социализма» доказал живучесть самой идеи социализма и нереальность западной идеи глобализации, ориентированной на создание максимально благоприятных условий функционирования мирового капитала⁵.

Особенности исторического развития Китая и характер его социально-экономического строя

История Китая, по существу, протекала в условиях компромисса между государственно-административным и феодально-удельным вариантами не только политической, но и социальной и экономической жизни общества. Выделение формационно-образующего уклада в Китае затруднено в первую очередь тем, что страна фактически никогда не выходила из состояния многоукладности. Феодальный способ производства в его китайской бюрократической модификации соседствовал с рабовладельческим укладом и с остатками патриархального строя. Уже в глубокой древности появился и способ производства, тесно связанный с товарно-денежным хозяйством, наемным трудом и частной арендой, что дало повод некоторым ученым говорить о зарождении в Китае капиталистических отношений еще до начала нашей эры. Развитие товарно-денежных отношений с самого начала было сильно ограничено государственной властью, опасавшейся резких имущественных различий, разорения крестьянства и появления в лице богачей самостоятельной социально-политической силы, которая могла бы противостоять всевластию правителя. Это устойчивое, исторически длительное состояние многозначной «переходности» подходит под упомянутое Марксом понятие «азиатского способа производства» как триады определенной формы государственной собственности (государственно-общинной), соответствующей этой собственности формы эксплуатации (рента-налог) и политической власти («восточная деспотия»). В докладе председателя КНР Си Цзиньпина на XIX съезде КПК в 2017 г. господствовавший в Китае на протяжении более двух тысячелетий строй был определен как «бюрократический феодализм».

Развитие Китая в лоне «азиатского способа производства» («Х-матрица») с его различными этапами-циклами продолжалось вплоть до середины XIX века, когда проникновение капитализма превратило его в особую общность переходного типа с синтезом трех начал: «европейское (иностранный сектор) — переходное (национальный капитализм) — азиатское (традиционные экономика и социум)»⁶. Институты «Х-матрицы»

вплоть до XVIII—XIX веков не препятствовали экономическому развитию Китая. Отставание Китая началось в эпоху бурного роста капитализма и сопровождалось угрозой его превращения в колонию империалистических держав. Продолжавшейся «раскладке сил» в пользу государственного начала способствовало господствовавшее конфуцианское учение с приматом общественной пользы над корыстным частным интересом. Опиравшееся на разветвленную административную иерархию «бюрократическое государство» выступало как ультраконсервативная сила, использовавшая в целях сохранения статус-кво, поддержания мира и порядка различные методы внеэкономического принуждения.

Важную роль в победе китайских коммунистов в 1949 г. и в социалистическом выборе Китая сыграла особая расстановка политических сил в эпоху революционных преобразований начала XX века. Но предпочтение социализма в Китае можно объяснить также прочными традициями института «власть-собственность» и культурным наследием. В стратегию строительства социализма хорошо вписались институты авторитарной власти, директивно-распределительных отношений, коллективистской идеологии, характерных для «азиатского способа производства», или «бюрократического феодализма».

На стадии национально-демократической революции все политические силы стояли за модернизацию страны, но при разных стратегических задачах. Среди выдвигавшихся проектов общественного развития Китая был и капиталистический проект ликвидации экономической отсталости при ориентации на достижения развитых капиталистических стран, план строительства социализма и вариант «смешанного» развития Китая при установлении альянса между интересами труда и капитала. Родоначальником идеи «модернизации» в ее социалистической трактовке можно считать лидера революционного крыла партии Гоминьдан доктора Сунь Ятсена. Его программа-максимум включала два уровня: базовый — теоретический (три народных принципа) и практический, или тактический, — построение индустриально развитого общества, составляющего часть мировой цивилизации, демократически управляемого и обеспечивающего всеобщее благосостояние своим гражданам. Как истинный патриот и националист в лучшем смысле этого слова Сунь Ятсен был целиком и полностью за самобытный путь развития Китая, но при использовании опыта и помощи других стран. Капиталистический мир привлекал его техническим превосходством и отталкивал своими язвами в виде имущественного неравенства, безнравственности и растущей преступности. Помимо тех опасностей, которые связаны с проникновением частнособственнических интересов, ориентацией на потребительское общество, нарушением экологического баланса, капитализм представлял собой угрозу социальной стабильности и единства территории государства. Вывод Сунь Ятсена «только социализм спасет Китай» пользовался самой широкой поддержкой китайской общественности. Тем не менее, выбор социалистического пути развития имел и немало оппонентов. В условиях глубокой экономической отсталости существовала точка зрения, что Китай больше страдает от недостатка развития капитализма, чем от самого капитализма, что капитализм в Китае далеко не изжил себя, и максимальное использование его возможностей сулит хорошие перспективы. Свои весомые аргументы были у защитников «смешанного развития», ссылавшихся на то, что решению социалистических задач должен предшествовать этап широких буржуазно-демократических преобразований. Были слышны и голоса «левых», пропагандировавших особый путь Китая, в котором сама неразвитость товарных отношений облегчала установление коммунистических методов производства и распределения.

Первые 30 лет существования КНР вместили в себя все варианты советского социализма в китайской редакции, хотя в несколько иной последовательности: до 1953 г. — политика «новой демократии» как особого начального этапа некапиталистического развития Китая при участии национальной буржуазии (китайский вариант НЭПа); «генеральная линия переходного периода» (1953–1957 гг.), наметившая курс на постепенное осуществление социалистической индустриализации и поэтапное проведение «социали-

стических» преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности («традиционная модель централизованной плановой экономики»); кампании «большого скачка» (1958–1962 гг.) и «культурной революции» (1966–1970 гг.) как китайское издание «военного коммунизма»; мероприятия по «урегулированию» народного хозяйства с целью ликвидации последствий разрушительных социальных экспериментов в духе «государственного социализма» в Советском Союзе.

Китайская политика «новой демократии» схожа с НЭПом не только определением «новая», но и многими сущностными чертами. «Новую демократию» можно считать еще одной попыткой смешанного развития при широком обращении к капиталистическим методам хозяйствования — частной собственности и рынку — при концентрации политической и экономической власти в руках государства социалистической ориентации. Переключка между этими двумя концепциями прослеживается и в «примирительном» отношении к национальной буржуазии, и в акцентировании роли крестьянства в качестве ведущей силы народного блока. На практике это означало гегемонию партии, опирающейся на марксистские постулаты. Но между российским и китайским вариантами «новой» политики существует целый ряд отличий. В случае Китая это еще более низкий уровень развития производительных сил, более ярко выраженный крестьянский характер революции, более благоприятные внешнеполитические условия, когда экономическое и политическое строительство под лозунгами социализма происходило уже не в одной отдельно взятой стране. Если российский НЭП — это чистый пионерный эксперимент, то китайская «новая демократия» — это продолжение идеологии китайского революционного авангарда при широком использовании советского опыта и опоре на его моральную и материальную поддержку. Российский НЭП — это временное отступление от социалистического проекта. В Китае отношение к социализму оставалось на стадии «симпатии» без четкого целеположения. В России «военный коммунизм» предшествовал НЭПу, в Китае он был возрожден ортодоксальным маоизмом. Китайское отступление от политики «новой демократии» было продиктовано теми же соображениями, что и свертывание НЭПа в Советской России, а именно переходом к политике форсированной индустриализации, в которую не вписывалась буржуазия, оппозиционно настроенная к новой власти. Переход к социалистическим преобразованиям по существу перечеркнул все планы «новой демократии». Высокую оценку этой политики пришлось ждать до 1981 г., когда в «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» она заслужила признание «исторического вклада в марксизм».

Мобилизационная экономика первых тридцати лет после образования КНР покоилась на «трех китах»: массивные накопления за счет сохранения низкого жизненного уровня трудящихся, жесткая централизация управления и господство плановых директив, внешнеэкономическая замкнутость, подаваемая как «опора на собственные силы». В результате форсированной индустриализации был создан достаточно мощный костяк тяжелой индустрии, что позволило поднять оборонную мощь страны, освоить новые районы. Однако пренебрежение нуждами народа, зажим творческой инициативы, внешнеэкономическая изоляция — все это оказалось тормозом экономического роста и технической реконструкции производства.

Все эти годы на общем фоне «строительства социализма», стремления к скорейшему преодолению экономической отсталости и словесной приверженности марксизму-ленинизму шло жесточайшее противоборство «двух линий», которые в западной синологической литературе получили определение как оппозиция «прагматиков» и «радикалов». Их также можно определить как «правое» и «левое» крыло коммунистической партии или как «модернистское» и «традиционалистское» течения. Господствовавший маоистский («традиционалистский») подход делал основной упор на самобытность избираемого пути, подключение мелкого производства и нематериальных стимулов повышения производительности труда, на использование традиционного кол-

лективизма и жесткого государственного начала. Обе попытки «маоистов-традиционалистов» претворить в жизнь свои утопические прожекты («большой скачок» и «культурная революция») заканчивались экономическим кризисом. Выход из кризисов осуществлялся с привлечением программы «модернистов», которая предполагала сбалансированный экономический рост, постепенное внедрение достижений научно-технической революции, рациональное соотношение между накоплением и потреблением, между «крупным» и «мелким» производством. Эта политика предусматривала развитие разделения труда, товарно-денежных отношений, использование экономических рычагов в целях повышения эффективности производства и улучшения жизни народа, что рассматривалось как необходимое условие роста производительности труда. Терпимое отношение к материальной заинтересованности, кустарям-единоличникам, приусадебным участкам и подсобным хозяйствам крестьян — все эти элементы экономической политики «прагматиков» приверженцами «теории Мао Цзэдуна» клеймились как попытки «реставрации капитализма», или «буржуазной либерализации».

Эти две группировки китайского руководства олицетворяли собой полные общественные тенденции и объективно «тянули» Китай в противоположные стороны: одни («модернисты») — к разрушению архаичных структур, вхождению в лоно мировой цивилизации с принятием ее порядков, другие («традиционалисты») — к консервации «специфики» Китая и к внешнеэкономической и внешнеполитической изоляции. По логике матричного институционального анализа «модернисты» симпатизировали рыночным отношениям, маоисты же стремились использовать административно-плановое регулирование для претворения в жизнь своих псевдокоммунистических проектов. Первые были обречены на противостояние со стороны традиционалистского крыла и попадали под жернова маоистских кампаний, вторых всегда подводило пренебрежение экономическими законами.

Сложившаяся в Китае к концу 1970-х годов хозяйственная система отличалась слабым развитием товарно-денежных отношений, господством государственной формы собственности, директивным характером управления, иерархическим соподчинением субъектов хозяйственной деятельности. Институт «государственной собственности» был во многом аналогичен советскому прототипу, который наши ученые рассматривают как результат трансформации иерархической собственности в тоталитарную (или бюрократическую) собственность со следующими основными характеристиками: неразделенность собственности и власти; монополия государства на средства производства и природные ресурсы; ограничение прав производителя на распоряжение результатами своей деятельности; запрет частного предпринимательства; опора на централизованное планирование; значительная доля теневой экономики; сдерживание имущественной дифференциации посредством жесткого государственного контроля над доходами; бюрократическая стратификация⁷. Управление промышленными объектами осуществлялось через систему отраслевых министерств и местных органов власти (система центрального и местного подчинения) при полной привязке предприятий к государственному бюджету. Различия между предприятиями прослеживались в основном по методам хозяйствования (государственное, полугосударственное, коллективное, индивидуальное управление). Пестрота этих хозяйственных форм не позволяет говорить о монолитности государственного сектора. Чередование авантюрных кампаний с периодами «урегулирования» не позволяет констатировать полного копирования советской модели социализма.

Цели китайской реформы и ее основные этапы

Главной причиной начала экономических реформ в Китае, а потом и в России, явилось нарушение институционального баланса. Это выражалось в тотальном доминировании институтов «Х-экономики», в то время как необходимые институты «Y-экономи-

ки» были крайне слабо развиты или носили латентный характер. Китайская реформа развернулась в условиях совмещения системных преобразований (переход Китая от традиционного общества к современному) с преодолением маоистского наследия. Осуществив расправу с наиболее ревностными последователями Мао Цзэдуна, реформистское крыло китайского руководства первым делом продемонстрировало свою враждебность леворадикализму, проявившемуся в годы «большого скачка» и «культурной революции», и поставило экономику на первое место перед политикой. Эти события, трактуемые сейчас как «вторая революция», открыли эпоху общественных преобразований, прежде всего, в сфере экономики. Сохранение авторитарного режима обеспечило стабильность в стране и тем самым способствовало успеху экономических реформ, которые приобрели характер постепенной рыночной трансформации при широком хозяйственном экспериментировании («переходить речку по камушкам») и макрорегулированию. Политические усовершенствования были призваны уничтожить «маоистские пережитки» (например, роспуск «народных коммун»), вернуть страну к нормальной политической жизни, в частности, к периодическим созывам партийных и государственных форумов, создать благоприятную обстановку для продвижения рыночных реформ.

Общий реформистский настрой не исключал противоборства взглядов относительно стратегии дальнейшего развития. В лагере «реформаторов-радикалов» было немало приверженцев абсолютного господства рынка, «нормальных» частнособственнических отношений, развития экономической и политической демократии по западным лекалам. Китайские либералы стояли за полный и решительный отказ не только от прежних утопических социальных проектов маоистского толка, но и от бесперспективного, на их взгляд, «реформирования социализма», за снятие всех преград на пути приватизации и установления режима политического плюрализма. Социальной базой таких прокапиталистических устремлений служил нарождавшийся слой предпринимателей, прозападно настроенные представители научной и творческой интеллигенции. Радикальным устремлениям с явной симпатией в отношении капитализма, либерализма и демократии противостоял другой экстрим — сохранившиеся приверженцы марксистского социализма и «идей Мао Цзэдуна», которые усматривали в рыночном реформировании когда-то склонявшуюся на все лады опасность «реставрации капитализма». Между этими двумя альтернативными позициями лавировали облеченные властью «умеренные реформаторы», готовые к переменам ради преодоления экономической отсталости, но трепетно приверженные политической стабильности и социалистическому знамени. Они ориентировались на сформулированные Дэн Сяопином в марте 1979 г. «четыре руководящих принципа» — социалистический путь, руководство компартии, диктатура пролетариата, верность марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна⁸.

Пик теоретических дискуссий относительно характера будущего общественного устройства пришелся на самое начало 1980-х годов. На XII съезде КПК в 1982 г. китайская модификация социализма получила официальное закрепление в установке о «строительстве социализма с китайской спецификой». Она расшифровывалась как сочетание сущностных признаков социалистических производственных отношений в марксистской трактовке с теми особенностями общественной организации, которые вытекают из географических, демографических и исторических особенностей страны, а также из задач начального этапа строительства социализма. В новую концепцию «китаизированного социализма» вошел постулат о товарном характере социалистической экономики, о необходимости развивать многоукладное хозяйство при опоре на общественные формы собственности. Место прежнего критерия «социалистичности», как высокой степени обобществления производства (формального) и ликвидации частной собственности, занял здоровый прагматизм, толерантный ко всем формам собственности ради обеспечения роста занятости и стимулирования развития производительных сил.

В течение первых десяти лет преобладал компромиссный подход «и план, и рынок», иначе, совмещения административных и рыночных регуляторов экономики. К концу 80-х годов сложился своеобразный «дуалистический» хозяйственный механизм, основанный на своего рода «нормативном плюрализме» и договорно-подрядных отношениях. Шло интенсивное освоение западной экономической мысли и опыта развитых капиталистических стран.

Студенческий бунт в Пекине и других городах летом 1989 г. с последующей жестокой расправой над его участниками на площади Тяньаньмэнь завершился победой «государственников» над либеральным диссидентством, за которую была заплачена высокая цена в виде нескольких сотен молодых жизней и потери международного авторитета Китая. Одна из первых «цветных революций» в глобализирующемся мире закончилась полным фиаско. Власть компартии и единство государства были сохранены, а выдвигавшиеся протестующими лозунги либерализации и демократизации оказались неустребованными китайской общественностью и не получили необходимой подпитки извне.

Произошедший после событий 1989 г. сбой реформы оказался кратковременным, а ее общее направление неизменным. В 1990-е годы наметился еще более решительный крен в сторону «нового раскрепощения сознания» с отказом от излишней идеологизации процесса развития производительных сил. В этом плане показательно озвученное Цзян Цзэминем на XIV съезде КПК требование «не сковывать себя абстрактными спорами о том, какую фамилию — Социализм или Капитализм — носит проведение реформы и расширение внешних связей». Это заявление повторило высказывание Дэн Сяопина во время его поездки на юг в начале 1992 г.⁹ Тогда же Дэн Сяопин выдвинул знаменитый тезис «пусть одни обогащаются раньше других», фактически узаконивший растущую дифференциацию доходов населения¹⁰.

После кончины Дэн Сяопина к началу XXI века стало нарастать противоречие между двумя группировками в пределах общего «модернизаторского» направления: 1) сторонников «смешанного» развития Китая со значительными уступками капитализму во внутреннем и внешнем плане и симпатиями к потребительскому обществу, и 2) сторонников продолжения строительства социализма при ограниченном «допущении» капитализма в целях активизации всех факторов экономического роста. Иначе говоря, противостоящими оказались два пути развития с китайской спецификой — неокapиталистический и неосоциалистический.

Решения политических форумов нового столетия на фоне впечатляющих экономических достижений свидетельствовали о том, что Китай намерен вносить коррективы в стратегию экономических реформ, но продолжает осторожничать в проведении политических преобразований. На состоявшемся в 2002 г. XVI съезде КПК прозвучала задача «усовершенствования системы социалистической рыночной экономики». Одновременно был поставлен вопрос о демократизации партии с перечнем следующих задач: 1) разделение политического и партийного руководства, 2) создание основ правового законодательства, 3) демократизация партийной жизни, 4) расширение участия граждан в контроле над органами власти, 5) более полная информированность общества о государственной деятельности. XVII съезд КПК (2007 г.) подтвердил эту линию и детализировал некоторые установки. XVIII съезд КПК (2012 г.) проходил в ситуации мирового экономического кризиса и осложнения обстановки в самом Китае. В полной мере выявилась тенденция сокращения темпов экономического роста, снижения спроса на китайские товары на мировом рынке. Возрастающее давление бизнеса на государство символизировало перестановку слагаемых прежнего бинама «власть — собственность». В доказательство успехов проводимых реформ в отчетном докладе указывалось на то, что Китай вышел по общей величине ВВП на 2-е место в мире, вместе с тем было подчеркнуто, что он остается слаборазвитой страной, в которой наличест-

вует противоречие между постоянно растущими материальными и духовными потребностями народа и относительно слабой экономической базой.

Одним из наиболее важных решений XVIII съезда КПК была постановка задачи демократизации политической системы как одного из четырех основных компонентов социализма наравне с рыночной экономикой, передовой культурой и «гармоничным» обществом. На этом съезде были обозначены также основные ориентиры следующего этапа экономической реформы, включая поддержку негосударственного сектора экономики, ускорение урбанизации, охрану окружающей среды, улучшение качества жизни населения. В дальнейшем продолжение реформ получило оформление в концепции сбалансированного (*сецуй*), всестороннего (*цюаньмянь*), устойчивого (*кэчжисуй*) развития. Конечная цель была представлена как создание социально ориентированной рыночной экономики, если использовать западную терминологию, или как полное построение общества «сяокан» в духе известной идеологии традиционного Китая, получающей «второе дыхание». Воплощая в себе конфуцианский принцип «человечности» и одновременно новое понимание роли творческой личности в общественной жизни, «сяокан» означает ликвидацию бедности, доступность для каждого благ цивилизации, наполнение жизни богатым духовным содержанием.

После XVIII съезда КПК начался новый раунд борьбы с коррупцией, которая на этот раз вышла за рамки кампании против нарушений порядка и дисциплины в управленческих структурах. На первом пленуме ЦК КПК 18-го созыва новый руководитель страны Си Цзиньпин заявил, что усиление коррупции в конечном счете может привести к развалу партии и расколу страны¹¹.

Основным итогом прошедшего в сентябре 2017 г. XIX съезда КПК стал крупный политический успех Си Цзиньпина, который усилил свои позиции и инициировал новый политический курс. После завершения этапа ускоренных экономических темпов было объявлено о переходе к «нормальному» развитию» под лозунгом «социализма с китайской спецификой в новую эпоху». В решениях съезда особого внимания заслуживают три момента. Во-первых, закрепление курса на совершенствование «социалистической рыночной экономики», иначе, «превращение Китая в полноценную торговую державу». Во-вторых, подчеркнутая приверженность идеалам марксизма-ленинизма и закрепление роли идеологического ориентира за концепцией «социализма с китайской спецификой в современную эпоху». В-третьих, направленность на проведение широкомасштабной политической реформы. Сущностными признаками китайского политического строя объявлены три компонента социалистической демократии — руководство КПК, положение народа как хозяина страны и управление государством на правовой основе.

Большое внимание на съезде было уделено укреплению роли партии, провозглашенной «политической руководящей силой наивысшего порядка». В работе Си Цзиньпина «О государственном управлении» была отмечена главная причина тревожных явлений в жизни КНР — несоответствие партии в лице ее членов взятым на себя политическим и историческим обязательствам. Си Цзиньпин в докладе образно назвал это положение «угрозой падения знамени». Выход из кризиса видится в расширении партийной демократии в сочетании с ужесточением партийной дисциплины.

«Свой путь», на который встал Китай, можно рассматривать как разновидность «рыночного социализма» с чертами институционального дуализма (рынок в экономике, социализм в политике). Его особенности — широкое распространение рыночных отношений, многоукладная экономика, относительно устойчивое сочетание плана и рынка при сохранении важной роли государства как собственника и регулятора хозяйственной деятельности, существование разных видов доходов при преобладании оплаты по труду и критическом отношении к имущественной дифференциации. Практические действия по методам рыночного регулирования роднят Китай с капитализмом, но сохраняются отличия от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и иной ре-

гулирующей роли авторитарного государства, что создает сходство с ленинской новой экономической политикой. Широкое распространение рыночных и частнособственнических отношений, существование разных видов доходов, социальное расслоение — все это давало основание для критики «рыночного социализма» слева. Рыночная экономика, утверждая формальное равенство возможностей, не терпит равенства результатов. Погоня за прибылью способствует росту производства, но одновременно порождает алчность, эгоизм, стяжательство, душевную черствость. Формируется приоритет индивидуальных ценностей и нарастает противостояние власти и народа, предпринимателей и непосредственных производителей.

Разные сценарии проведения экономической и политической реформы поставили Китай перед фактом сосуществования рыночной экономики и авторитарной политической системы. Общественная наука Запада предлагает проведение демократизации общества по западному образцу, введение многопартийности, системы разделения властей, то есть дополнение рыночной системы демократическим политическим устройством капиталистического типа. Зарубежные критики китайского рыночного эксперимента видят, прежде всего, половинчатость преобразований, утверждают недолговечность этой модели, которая тормозит переход к «цивилизованному» рынку и демократическим преобразованиям. Некоторые западные аналитики полагают, что рыночная трансформация китайской экономики раньше или позже повлечет за собой изменения в политической сфере и завершится созданием демократических политических институтов западного толка и фактической капитализацией страны. Кое-кто спешит зачислить Китай в лагерь капиталистических стран¹².

Как можно судить по решениям XIX съезда КПК, такие капиталистические прогнозы в отношении КНР явно преждевременны. Китай начинает новый тур социально-экономического развития, направленный на соединение личных интересов граждан с общественными и государственными интересами. Новый разворот реформ по своей значимости может быть охарактеризован как «третья китайская революция» с кардинальными последствиями для всего общественного устройств. Если первая революция (1949 г.) ознаменовала переход страны от «бюрократического феодализма» к построению социалистического общества, а «вторая революция» (1978–1979 гг.) — переход от «государственного социализма» к «рыночному социализму», то в настоящее время Китай приступает к проведению широкомасштабной политической реформы, призванной создать политический механизм «социализма с китайской спецификой новой эпохи». Многоукладной рыночной экономике будет соответствовать смешанная политическая система, совмещающая сильную централизованную власть с партийно-правительственным управлением и демократическими методами руководства на низовом административном уровне. Этот управленческий «триумвират», весьма напоминающий греческую «схему Полибия» (монархия, аристократия и низовая демократия), строится по принципу не разделения, а дополнения властей, призванному обеспечить сочетание централизации с децентрализацией, стабильности власти с широкой инициативой на местах. Единоличное правление при существовании развитой системы муниципалитетов и внедрением демократии в пределах правящей партии означает особую форму авторитаризма, обеспечивающую высокую эффективность управления. Принятие единоначальных решений при учете материалов дискуссий на партийных собраниях и заседаниях «мозговых центров», а также мнения населения на низовых административных уровнях, позволит ускорить работу высших органов власти, ужесточить борьбу с коррупцией и снизить накал общественного недовольства. Такая организация государственной власти поможет пресечь сепаратистские тенденции и влияние западной идеологии, обеспечить необходимый экономический рост и соблюдение интересов общества в целом, что в большей мере соответствует принципам социализма.

От развилки «гибридной» модели, которая сложилась в ходе реформ конца XX века, в будущее Китая идут три дороги: 1) путь к «цивилизованному рынку» и демократическому обществу в стиле неолиберальной теории; 2) ориентация на восточноазиатскую модель с важной ролью государства («конфуцианский капитализм»); 3) продолжение строительства «социализма с китайской спецификой» с выходом на специфическую китайскую модель (общество «сяокан»), в которой новые методы управления комбинируются с традиционными этическими нормами. Есть все признаки того, что выбор делается в пользу третьего варианта развития. Вопрос в том, способен ли симбиоз плана и рынка перерасти в устойчивую смешанную систему, что предотвратит как «сползание» Китая к капитализму, так и ренессанс догматического социализма. Хэбэйский экономист Тянь Вэйминь пишет: «Рыночный и государственный механизмы управления имеют свои достоинства и свои недостатки. Лучший выбор — это их соединение в рамках системы рыночной экономики, где рынок служит базой распределения ресурсов, а государство выполняет дополнительную функцию макрорегулирования... В поисках повышения эффективности производства лучше всего использовать рынок, в установлении социальной справедливости лучше всего полагаться на государство. Так они и дополняют друг друга, один без другого не может существовать»¹³. Такой вывод полностью совпадает с позицией Дэн Сяопина, который рассматривал план и рынок как чисто управленческие механизмы (и при капитализме может быть план, и при социализме может быть рынок).

1. См., например: Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y теорию. М.; СПб., 2014.
2. Голландский экономист и историк Андре Франк в своей работе «Возвращение к восточным истокам: глобальная экономика и век Азии» (*Frank A. Re-Orient. Global Economy in the Asian Age*. Berkley, 1998) утверждает, что Китай по существу создал первую систему международной торговли и был главным центром первого глобального экономического рынка, который проходил по Шелковому пути.
3. И.Б. Чубайс называет это «насилием вестернизацией». См.: Глобалистика: Энциклопедия. М.: ЦНПП «Диалог», 2003. С. 190.
4. Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе. Китай на грани эпох. М.: Вост. лит., 1999. С. 280–289.
5. Там же.
6. Там же. С. 246.
7. Устюжанина Е.В. Проблемы развития отношений собственности в современной российской экономике. М., 2006. С. 58–60.
8. Дэн Сяопин. Избранное (1975–1982). Пекин, 1985. С. 196–197.
9. Дэн Сяопин вэньсюань: [Избранное Дэн Сяопина]. Пекин, 1993. Т. 3. С. 372.
10. Чжэнлунь юй фачжань. Чжунго цзинцзисюэ 50 нянь: [Дискуссии и развитие: 50 лет экономической теории в Китае]. Куньмин, 1999. С. 59.
11. Жэньминь жибао. 09.11.2012. С. 2.
12. Коуз Рональд, Ван Нин. Как Китай стал капиталистическим / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2016.
13. Тянь Вэйминь. Шичан шэхуэйчжуи гоцзя лилунь: цзиюй яньцзинь гуаньцзюэ ды игэ шупин: [Теория рыночного социализма: описание эволюции взглядов] // Цзинцзи тичжи гайгэ. 2010. № 4. С. 23.